

Ф. М.
ДОСТОЕВСКИЙ
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ
В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ
ПЕРВЫЙ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1990

В первое время после помилования Достоевскому разрешено было жить только в провинции, и он поселился в Твери, чтобы быть ближе к родным, из которых одни жили в Петербурге, а другие в Москве. Брат получил от него письмо и тотчас же поехал повидаться с ним²⁷. В это время Федор Михайлович был уже человеком семейным: он женился в Сибири, на вдове Марье Дмитриевне Исаевой, которая умерла от чахотки, если не ошибаюсь, в 1863 году²⁸. Детей от этого брака у него не было, но на его попечении остался пасынок²⁹. В Твери Достоевский прожил несколько месяцев. Он готовился возобновить свою литературную деятельность, прерванную каторгой, и много читал. Мы посыпали ему журналы и книги. Между прочим, по просьбе его я отправил к нему «Псалтырь» на славянском языке, «Коран» во французском переводе Казимира и «Les romans de Voltaire»*. Он говорил потом, что задумывал какое-то философское сочинение, но после внимательного обсуждения отказался от этой мысли³⁰.

В это время у М. М. Достоевского была собственная табачная фабрика, и дело шло не дурно: его папиросы с сюрпризами расходились по всей России. Но занятия по фабрике не отвлекали его, однако же, от литературы. Между прочим, по моей просьбе, он перевел роман Виктора Гюго «Le dernier jour d'un condamné»** для журнала «Светоч», который я тогда редактировал вместе с издателем, Д. И. Калиновским. Однажды Михаил Михайлович пришел ко мне утром с радостной вестью, что брату его разрешено жить в Петербурге и он должен приехать в тот же день. Мы поспешили в вокзал Николаевской железной дороги, и там наконец я обнял нашего изгнаниника после десятилетней почти разлуки. Вечер провели мы вместе. Федор Михайлович, как мне показалось, не изменился физически: он даже как будто смотрел бодрее прежнего и не утратил несколько своей обычной энергии. Не помню, кто из общих знакомых был на этом вечере, но у меня осталось в памяти, что при этом первом свидании мы обменивались только новостями и впечатлениями, вспоминали старые годы и наших общих друзей. После того видались мы почти каждую неделю. Беседы наши в новом небольшом кружке приятелей во многом уже не походили на те, какие бывали в дуровском

* «Романы Вольтера» (фр.).

** «Последний день приговоренного к смерти» (фр.).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ДОСТОЕВСКОМ

Известный наш писатель Федор Михайлович Достоевский, отбыв установленный срок в Омском крепостном остроге, был определен на службу рядовым в 7-й линейный батальон, расположенный в городе Семипалатинске. Получив вскоре первый чин прaporщика, он женился на вдове, Марье Дмитриевне Исаевой. Я в первый раз увидела Федора Михайловича, когда он с молодой женой приехал с визитом к моему отцу, Артемию Ивановичу Гейбовичу, который был его ротным командиром; мне было тогда десять лет.

Глубоко сожалею, что нет давно в живых моих отца и матери, которые были очень дружны с Федором Михайловичем и Марьей Дмитриевной и могли бы много рассказать о нем, так как знали его коротко и часто вели с ним задушевные беседы. Знакомство их продолжалось три года, и они расстались друзьями. Печатаемое ниже письмо Достоевского, посланное из Твери к моему отцу в город Аягуз, ныне Сергиополь, достаточно выясняет их теплые, дружеские отношения. Сибирские друзья Достоевского и его сослуживцы большую частью умерли, оставшиеся же в живых, прочтя сообщаемое мною в редакцию «Исторического вестника» в подлиннике письмо и увидев портрет Федора Михайловича в офицерском платье, подаренный моему отцу, наверно, вспомнят своего бывшего товарища и сослуживца, этого добрейшего высоконравственного человека, хорошего семьянина и доброго, верного друга. По крайней мере, таким был Достоевский в Сибири и таким мы все его помним.

Федор Михайлович очень уважал и любил все наше семейство; особенным же вниманием и расположением

его пользовались я и моя сестра, Лиза. Достоевские часто нас приглашали к себе, и мы бывали у них с отцом или матерью; иногда случалось, что заедут к нам Федор Михайлович или Марья Дмитриевна и увезут нас к себе. Мы очень любили бывать у Достоевских потому, что они были всегда очень добры и ласковы к нам, кормили нас всевозможными сладостями и дарили нам разные вещицы. В то время у нас, в Семипалатинске, были в большой моде папиросы фабрики Михаила Михайловича Достоевского, брата покойного писателя, продававшиеся в ящиках. Ящик для папирос был длинный и не широкий, вроде сигарного; не знаю, сколько там было сотен папирос, но ящик был разделен пополам перегородкой — в одной половине были папиросы, в другой какой-нибудь сюрприз: фарфоровая вещица, ложка или тому подобное. Эти папиросы продавались в Семипалатинске, кажется, по четыре рубля за ящик. Федор Михайлович часто покупал эти папиросы, и тогда для нас был праздник: все прилагаемые к ним подарки Федор Михайлович дарил нам. У меня и до настоящего времени хранится из этих подарков маленькая корзинка из перламутра, оправленная в бронзу с красным камнем на ручке. Но больше всего нам нравилось у Достоевского то, что Федор Михайлович позволял нам сидеть в своем кабинете, давал нам книги, и мы, погруженные в чтение, забывали все на свете.

В одно из таких наших посещений, когда мы были углублены в чтение священной истории Нового Завета, Зонтаг,— Федор Михайлович вынул из шкафа книгу в переплете¹ и, подавая ее нам, сказал:

— Вот вам, дети, книга, когда придете домой, то прочтите ее со вниманием, и, когда я приеду к вам, вы мне скажете, понравится она вам или нет.

Придя домой, мы тотчас раскрыли книгу, и одна из нас начала читать вслух, а другая со вниманием слушать. Первой в этой книге была повесть «Бедные люди». Мы прочли страницу, другую, и нас одолела страшная скука! Бросив скучное чтение, мы заглянули в конец книги, и, о радость! там были все стихи. Одни из них носили заглавие «Помешник»² и, кажется, начинались так:

Приятной летнею порой,
Под липкими, часу в десятом,
Сидел помешник столбовой,
Покрытый стеганым халатом,
Курил он молча, не спеша,— и проч.

Это было большое стихотворение, но мы все-таки его выучили наизусть, слово в слово. Далее были еще стихи, воспевавшие, как обманутая девушка идет ворожить к колдунье, и когда она входит в дверь, то:

На дворе собаки, кошки,—
Оглушил их дикий хор;
Показался свет в окошке,
Дверь шатнулась, дверь скрипит.
Дева входит и дрожит.
Долгоносяя чухонка
На красавицу глядит;
На руках ее болонка,
Скалит зубы и ворчит...
Виши, тебя в какую пору
Сила вражья принесла!
Ну, зачем сюда пришла?.. — и проч.

В течение следующего утра мы вытвердили эти стихи наизусть. Через несколько дней, как теперь помню, это было после обеда, часа в четыре, день был летний, хороший, Федор Михайлович и Марья Дмитриевна приехали за нами и увезли нас за город смотреть медведя. Когда мы возвращались оттуда, в самом хорошем настроении духа, Федор Михайлович спросил нас:

— Читали вы книгу, которую я дал вам?
— Как же, Федор Михайлович. Читали.
— Понравились вам «Бедные люди»? Расскажите мне, какое произвели на вас впечатление, когда читали их?
— Мы их вовсе не читали, Федор Михайлович, — отвечали мы на его вопрос, — начали было, да уж очень скучно показалось, так и бросили читать; но зато какие в этой книге стихи есть, мы все их выучили наизусть: как помещик, осматривая свое хозяйство, нашел беспорядки и распек мужиков:

Пришел в ужасное волненье,
Клялся, что будущей зимой
Всё с молотка продаст именье,—
И медленно пошел домой... — и проч.

Все это мы рассказывали с большим увлечением, перебивая одна другую, как вдруг заметили, что лицо у него сделалось бледное, печальное. Мы сейчас же присмириели и, разумеется, остальных стихов не досказали. А Марья Дмитриевна засмеялась и говорит:

— Не огорчайся, Федечка, — они еще дети, и понятно, что им больше нравятся стихи.

Памятен мне домик, где жил Достоевский в городе Семипалатинске. Он состоял из четырех комнат: первая

маленькая комната была столовой, рядом спальня, налево из первой комнаты гостиная — большая угловая комната, а из гостиной налево дверь в кабинет. Меблированы комнаты были просто, но очень удобно: в гостиной диван, кресла и стулья были обиты тисненым дорогим ситцем, с красивыми букетами, перед диваном стоял стол, а возле кабинетной двери налево диванчик в виде французской буквы S и несколько маленьких столиков. У углового окна стояло кресло, на котором любил сидеть Федор Михайлович, и близ окна куст волкмерии в деревянной кадочке. На окнах и дверях висели занавеси; в остальных комнатах также было убрано мило, просто и уютно.

Прислугой у Достоевских был один денщик, по имени Василий, которого они раньше отдавали учить кулинарному искусству; в продолжение всей военной службы Достоевского он был у них поваром, лакеем и кучером; Достоевские отзывались о нем как о человеке незаменимом. Во время болезни Федора Михайловича, когда с ним случались припадки эпилепсии, Василий ходил за ним, как за ребенком. Уезжая, Федор Михайлович передал его отцу моему, и он жил у нас долго, с 1859 и по 1865 год, почти ежедневно вспоминая о своих добрых господах Достоевских.

При скромной обстановке, Федор Михайлович вел и жизнь самую скромную, бывал у своих избранных друзей и хороших знакомых, но большею частью проводил время дома за литературным трудом. В карты Достоевский не играл, хотя часто имел порядочные деньги.

Читая разные мнения о Федоре Михайловиче Достоевском, в особенности те, которые основаны на тех его письмах к брату и друзьям, где он просит денег или говорит о деньгах, из чего выводится заключение, что он был жадный человек,— я нахожу такой вывод ошибочным. Не знаю последующей жизни Достоевского в России, но жизнь его в Сибири показала, что это был за человек и зачем ему нужны были деньги. Получаемые им из России деньги расходовались, кроме домашних нужд, которые были очень умеренны, большею частью на бедных. Я очень хорошо знаю, что Достоевский долго содержал в Семипалатинске слепого старика татарина с семейством, и я сама несколько раз ездила с Марьей Дмитриевной, когда она отвозила месячную провизию и деньги этому бедному слепому старику.

Достоевский делал много таких благодеяний, о которых, конечно, я не знала.

Бывая у Достоевских, я часто находила там одного солдата. Это был поляк по фамилии Нововейский. Не знаю, был ли он разжалован в солдаты, или просто служил по набору, но Федор Михайлович очень любил его. Когда он приходил, Достоевский всегда приглашал его садиться, разговаривал с ним долго, угождал чаем или оставлял обедать. Нововейский был тихий, скромный, болезненный человек. Вскоре он женился, и я встречала его несколько раз у Достоевских вместе с женой; она носила повязку, какие носят у нас в Сибири все женщины из простого народа. Федор Михайлович и Марья Дмитриевна были очень любезны к обоим Нововейским, и я слыхала от моей покойной матери, что Федор Михайлович много помогал им в материальном отношении.

У Федора Михайловича было немало знакомых из разных слоев общества, и ко всем он был одинаково внимателен и ласков. Самый бедный человек, не имеющий никакого общественного положения, приходил к Достоевскому как к другу, высказывал ему свою нужду, свою печаль и уходил от него обласканный. Вообще, для нас, сибиряков, Достоевский личность в высшей степени честная, светлая; таким я его помню, так я о нем слышала от моих отца и матери, и, наверно, таким же его помнят все, знавшие его в Сибири. В 1872 году, в первых числах сентября, я проезжала чрез город Семипалатинск, посетила своих старых знакомых, и в том числе капитана М. В. К., товарища моего покойного отца и сослуживца Достоевского. Мы пошли осматривать Семипалатинск. Проходя по одной улице, К. остановил меня и сказал: «Вот в этом домике жил Достоевский». Это было сказано с такой любовью, с таким благоговением, что трудно передать впечатление, какое произвели на меня эти простые слова.

В 1858 году Федор Михайлович подарил моему отцу свой портрет, и он в продолжение 25 лет свято хранился в нашем семействе... Копия с него прилагается к настоящей книжке «Исторического вестника».

Уезжая, Федор Михайлович подарил моему отцу большую часть своей библиотеки и целую коллекцию древних чудских вещей, состоявшую из колец, монет, серебряных и медных, браслет, серег, различных бус, изломанных копий и разных мелких вещиц из серебра, меди, железа и камня. Отец мой сделал для этих вещей особый ящик из нескольких отделений, где они были разложены в порядке.

К великой радости, статья была одобрена, и Александр Петрович пригласил меня в свой литературный кружок, на свои вторники, в Офицерской улице, в доме Якобса. С первого вторника, когда я явился в этот кружок, я считал себя как будто принятym, иаконец, в общество настоящих литераторов и очень всем интересовался. Главными гостями Александра Петровича оказались братья Достоевские, Федор Михайлович и Михаил Михайлович, давнишние друзья хозяина и очень привязанные друг к другу, так что бывали обыкновенно вместе. Кроме их, часто являлись А. Н. Майков, Вс. Вл. Крестовский, Д. Д. Минаев, доктор С. Д. Яновский, А. А. Чумиков, Вл. Д. Яковлев и другие. Первое место в кружке занимал, конечно, Федор Михайлович: он был у всех на счету крупного писателя и первенствовал не только по своей известности, но и по обилию мыслей и горячности, с которою их высказывал. Кружок был невелик, и члены его были очень близки между собою, так что стеснения, столь обыкновенного во всех русских обществах, не было и следа. Но и тогда была заметна обыкновенная манера разговора Федора Михайловича. Он часто говорил с своим собеседником вполголоса, почти шепотом, пока что-нибудь его особенно не возбуждало; тогда он воодушевлялся и круто возвышал голос. Впрочем, в то время его можно было назвать довольно веселым в обыкновенном настроении; в нем было еще очень много мягкости, изменившей ему в последние годы, после всех понесенных им трудов и волнений. Наружность его я живо помню; он носил тогда одни усы и, несмотря на огромный лоб и прекрасные глаза, имел вид совершенно солдатский, то есть простонародные черты лица. Помню также, как я в первый раз увидел, почти мельком, его первую жену, Марью Дмитриевну; она произвела на меня очень приятное впечатление бледностию и нежными чертами своего лица, хотя эти черты были неправильны и мелки; видно было и расположение к болезни, которая свела ее в могилу⁶.

Разговоры в кружке занимали меня чрезвычайно. Это была новая школа, которую мне довелось пройти, школа, во многом расходившаяся с теми мнениями и вкусами, которые у меня сложились. До того времени я жил тоже в кружке, но в своем, не публичном и литературном, а совершенно частном. Таких кружков всегда существует очень много в Петербурге, кружков часто любознательных, читающих, вырабатывающих себе свои особенные

ждал, наконец, когда началась «Эпоха», стал требовать денег назад и не скоро их получил. Такой ход дела был очень неприятен, и, по неведению, я винил тут всё бедного Михаила Михайловича. Что касается до Федора Михайловича, то исполнить обещание ему помешали самые уважительные причины. Его жена, Марья Дмитриевна, умирала, и он должен был находиться при ней, то есть в Москве, куда доктора посоветовали перевезти ее. Вопрос был уже не об излечении, а только об облегчении болезни; чахотка достигла последней степени.

XII

РАЗРЕШЕНИЕ НОВОГО ЖУРНАЛА

Не могу сказать, когда именно Федор Михайлович вернулся из-за границы и переехал в Москву к Марье Дмитриевне. Но сохранилось его письмо к Михаилу Михайловичу из первых дней этого времени. Вот оно:

«19 ноября / 63 года. Москва.

Я очень хорошо знаю, любезный брат, что у тебя хлопот и забот теперь по горло, да что ж мне-то делать: столько навалилось забот и на меня, что и конца не вижу. Ты пишешь, что после 20-го приедешь в Москву. Когда же? *После 25-го, разумеется.* Если раньше, то мы можем разъехаться, потому, что все-таки я надеюсь до 25-го быть в Петербурге. А нам о многом и как можно скорее надо друг с другом переговорить. Главное, чтоб не обманывали обещаниями и *действительно* позволили бы поскорее «Правду». Я признаюсь тебе, что не очень в отчаянии, что совершенно нельзя воскресить «Время». «Правда» может произвести такой же эффект, если не больше, разумеется, при благоприятных обстоятельствах,—это главное. Что же касается до названия «Правда», то, по-моему, оно превосходно, удивительно и можно чести приписать выдумку названия. Это прямо в точку. И мысль *наиболее подходящую* заключает, и к обстоятельствам идет, а главное—в нем есть некоторая *наивность, вера*, которая именно как раз к духу и к направлению нашему, потому что наш журнал («Время») был все время до крайности наивен и, черт знает, может быть, и взял наивностью и верой. Одним словом, название превосходное. Обертку можно тоже, как и у «Времени», чтобы напоминало собою «Время», раздел в журнале один, как в «Revue des deux Mondes»,

точки глупо рассматривать, а просто *факты* и полезные. Не читал еще «Савонароллы». Очень бы желалось знать, какого рода эта статья. Но все это меркнет оттого, что запрещен «Ряд статей». Ради Бога, проси Страхова выправить свою статью в цензурном отношении для следующего № или написать новый «Ряд статей». Как можно скорей статью руководящую!

Пожалуюсь и за мою статью; опечатки ужасные, и уж лучше было совсем не печатать предпоследней главы (самой главной, где самая-то мысль и высказывается), чем печатать так, как оно есть, то есть с надерганными фразами и противоречиа самой себе*. Но что ж делать! С.....и⁸⁰ цензором, там, где я глумился над всем и иногда богохульствовал для виду — то пропущено, а где из всего этого я вывел потребность веры и Христа — то запрещено. Да что они, цензора-то, в заговоре против правительства, что ли?»

Из этого отрывка ясно видны и жалкий вид нашего двойного номера, и одна из причин этого жалкого вида — строгость и растерянность цензуры. Но другая причина была небрежность редакции: и дурная обертка, и избитый шрифт, и плохая бумага, и обилие опечаток — все было до крайности неприятно и ничем не извинялось. Подобных неисправностей никогда не допускали журналы, умевшие пользоваться успехом и поддерживать его. Например, «Современник», какие бы слабые и пустые книжки ни случалось ему выпускать, всегда отличался блестящею наружностию и по части корректуры был замечательно исправен.

Так потянулась «Эпоха» и дальше: вяло, неопрятно, запаздывая книжками. Она велась, собственно, так же, как и «Время», но прежде все *само собою* шло хорошо, а теперь точно так же все *само собою* шло дурно. Между тем последовал ряд смертей: Марии Дмитриевны, Михаила Михайловича и Ап. Григорьева⁸¹. Марья Дмитриевна умерла 16-го апреля, и Федор Михайлович сейчас же переехал в Петербург. 10-го июня неожиданно умер Михаило Михайлович, хворавший очень недолго и бывший почти все время болезни на ногах.

Это было жестоким ударом. Журнал, и без того запоздавший, остановился на два месяца,— пока был найден и утвержден новый редактор и приведены дела в порядок. Задержка со стороны цензуры, не имевшей

* Дело идет о первой части «Записок из подполья». (Примеч. Н. Н. Страхова.)

а были все старые, досылавшие по шести рублей, то, стало быть, брат должен был издавать журнал себе в убыток. Это окончательно его расстроило и доконало. Он начал делать долги, здоровье же его стало разрушаться. Меня подле него в это время не было. Я был в Москве, подле умиравшей жены моей. Да, Александр Егорович, да, мой бесценный друг, Вы пишете и соболезнуете о моей роковой потере, о смерти моего ангела брата Миши, а не знаете, до какой степени судьба меня задавила! Другое существо, любившее меня и которое я любил без меры, жена моя, умерла в Москве, куда переехала за год до смерти своей, от чахотки. Я переехал — вслед за нею, не отходил от ее постели всю зиму 64-го года, и 16 апреля прошлого года она скончалась, в полной памяти, и, прощаясь, вспоминая всех, кому хотела в последний раз от себя поклониться, вспомнила и об Вас. Передаю Вам ее поклон, старый, добрый друг мой. Помяните ее хорошим, добрым воспоминанием. О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо. Все расскажу вам при свидании, — теперь же скажу только то, что, несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе (по ее странному, мнительному и болезненно фантастическому характеру) — мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу. Как ни странно это, а это было так. Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь. Когда она умерла, — я, хоть мучился, видя (весь год), как она умирает, хоть и ценил и мучительно чувствовал, что я хороню с нею, — но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землею. И вот уж год, а чувство все то же, не уменьшается... Бросился я, схоронив ее, в Петербург, к брату, — он один у меня оставался, но через три месяца умер и он, прохвачив всего месяц и слегка, так что кризис, перешедший в смерть, случился почти неожиданно, в три дня.

И вот я остался вдруг один, и стало мне просто страшно. Вся жизнь переломилась разом надвое. В одной половине, которую я перешел, было все, для чего я жил, а в другой, неизвестной еще половине, все чуждое, все новое, и ни одного сердца, которое бы могло мне заменить тех обоих. Буквально — мне не для чего оставалось жить. Новые связи делать, новую жизнь выдумывать!

²³ С. 272. Петрашевский уже «на эшафоте объявил, что он подвергался пытке и будет требовать пересмотра дела и что приговор юридически недействителен» (Записка о деле петрашевцев. Рукопись Ф. Н. Львова с пометками М. В. Буташевича-Петрашевского.—ЛН, 63, кн. III, 188; эта запись сделана рукой Петрашевского). И впоследствии, уже выйдя на поселение после манифеста 26 августа 1856 г., Петрашевский продолжал упорно требовать пересмотра своего дела, разбирая в многочисленных прошениях и даже кассационных заявлениях в Сенат ход судопроизводства с точки зрения его законности. Эта деятельность стоила ему многих новых преследований — высылок и переселений с места на место в Сибири.

²⁴ С. 273. Неточные цитаты из письма к М. М. Достоевскому от 22 декабря 1849 г. (Достоевский, XXVIII, кн. I, 162, 163).

²⁵ С. 273. Цитируются не совсем точно три строфы из стихотворения Плещеева «С. Ф. Дурову», датированного 18 июля 1857 г.

²⁶ С. 273. См. примеч. 4 к с. 235.

²⁷ С. 274. Ф. М. Достоевский приехал в Тверь числа 18—19 августа 1859 г. М. М. Достоевский выехал к нему 27 августа.

²⁸ С. 274. Мария Дмитриевна Исаева-Достоевская умерла 15 апреля 1864 г. в Москве. Известна философски-трагическая запись Достоевского, сделанная им на другой день: «Маша лежит на столе. Увижу ли с Машей?..» (Достоевский, XX, с. 172).

²⁹ С. 274. Павел Александрович Исаев (1848—1900), сын М. Д. и А. И. Исаевых; наделенный несуживчивым, беспокойным и эгоистичным характером, требовал постоянных забот Достоевского, часто вызывавших справедливое недовольство А. Г. Достоевской.

³⁰ С. 274. В письме к брату от 30 января — 22 февраля 1854 г. из Омска Достоевский писал о своем желании «писать романы и драмы» (Достоевский, XXVIII, кн. I, 174). Вместе с тем он, возможно, задумывал и какое-то философское сочинение, поскольку в этом же письме просил брата прислать ему «Критику чистого разума» Канта и «непременно Гегеля, в особенности Гегелеву «Историю философии», прибавляя при этом: «С этим вся моя будущность соединена!» (там же, с. 173). Позднее, в начале 1856 г., Достоевский начал писать, но не закончил, статью «Письма об искусстве» («Это собственно о назначении христианства в искусстве». — Достоевский, XXVIII, кн. I, 229; статья не сохранилась).

³¹ С. 275. В таком духе высказались о «Записках из Мертвого дома» Тургенев и Герцен. Тургенев писал Достоевскому 26 декабря 1861 г. (7 января 1862 г.) из Парижа: «Очень Вам благодарен за присылку 2 № «Времени», которые я читаю с большим удовольствием. Особенно — Ваши «Записки из Мертвого дома». Картина бани просто дантовская...» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти томах. Письма, т. 4. М., 1987, с. 394). Герцен в статье «Новая фаза в русской литературе» (1864) писал, что эпоха пробуждения после смерти Николая I «оставила нам одну страшную книгу, своего рода sacrament horrendum

лучшего: «Уверьте его, что я люблю его и искренно предан ему» (Достоевский, XXVIII, кн. I, 250).

²³ С. 303. Этим «членом одного из кружков» был Достоевский.

²⁴ С. 303. М. Е. Салтыков был сослан в Вятку 28 апреля 1848 г. 24 сентября 1849 г. в Вятке с него был снят допрос по «вопросным пунктам», сформулированным следственной комиссией и «весьма секретно» препровожденным вятскому губернатору Л. В. Дубельтом. Этот допрос для Салтыкова не имел последствий, если не считать постоянных отказов в его просьбах о возвращении в Петербург.

²⁵ С. 303. Вл. Милютин и его друзья М. Салтыков и Вал. Майков перестали посещать кружок Петрашевского в начале 1847 г., образовав собственный кружок. Вл. Милютин к делу петрашевцев привлечен не был, хотя имя его и упоминалось в следственных делах.

²⁶ С. 305. Из стихотворения Пушкина «Деревня».

²⁷ С. 306. Эта встреча произошла в августе 1856 г.

²⁸ С. 306. Командиром семипалатинского 7 линейного Сибирского батальона был подполковник Белихов. Это «был простой, добродушный, холостой человек, любивший пожить... Сначала командир батальона требовал к себе Федора Михайловича для чтения ему вслух газет и журналов, а затем стал оставлять его у себя обедать и даже при гостях». Иметь у себя «в гостях нижнего чина было знаком особого внимания и участия...» (Скандин А. В. Достоевский в Семипалатинске.—Исторический вестник, 1903, № 1, с. 207).

²⁹ С. 309. Мария Дмитриевна Исаева овдовела раньше первой встречи П. П. Семенова с Достоевским в Семипалатинске. Ее муж, Александр Иванович Исаев, умер 4 августа 1855 г. в Кузнецке (историю взаимоотношений Достоевского с Исаевой до их женитьбы описал в своих воспоминаниях А. Е. Врангель).

³⁰ С. 310. Из поэмы Пушкина «Полтава».

³¹ С. 311. 1 февраля 1857 г. Достоевский получил разрешение своего батальонного командира Белихова на вступление в брак с вдовой М. Д. Исаевой. Венчание состоялось 6 февраля в Кузнецке. 20 февраля молодые вернулись в Семипалатинск, побывав у Семенова в Барнауле.

Д. Д. АХШАРУМОВ

ИЗ КНИГИ «ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ (1849—1851 ГГ.)»

Дмитрий Дмитриевич Ахшарумов (1823—1910)—фурьерист, участник кружка Н. С. Кашкина, близкого по своим идеям кружку Петрашевского, но не слившегося с ним (о Кашкине см.: Панкратов А. С. Последний петрашевец.—Исторический вестник, 1914, № 8). С декабря 1848 года Ахшарумов посещал также «пятницы» Петрашевского.

¹⁴ С. 353. Вероятно, речь идет о письме Достоевского к Врангелю от 18 февраля 1866 г., где есть такие строки: «Кстати, я очень рад, что Вас так интересует наша внутренняя, русская умственная и гражданская жизнь. Мне, как другу, очень приятно, что Вы такой, хотя не во всем с Вами согласен. (...) Но, однако ж, во многом, и очень даже, я предчувствую, что с Вами согласен» (*Достоевский*, XXVIII, кн. II, 152).

¹⁵ С. 353. *Молодой Якушкин* — Евгений Иванович (1826—1905), сын декабриста И. Д. Якушкина; этнограф, юрист, активный участник проведения крестьянской реформы в Ярославской губернии. В 1853 г., еще когда Достоевский находился в остроге, побывал в Омске и, при содействии К. И. Иванова (см. с. 342), встретился с Достоевским. Известно его письмо к сыну, В. Е. Якушкину, от 14 декабря 1887 г., в котором рассказывается об этой встрече: «Его на другой день же привел конвойный очистить снег на дворе казенного дома, в котором я жил. Снега, конечно, он не чистил, а все утро провел со мной. Помню, что на меня страшно грустное впечатление произвел вид вошедшего в комнату Достоевского в арестантском платье, в оковах, с исхудальным лицом, носившим следы сильной болезни. Есть известные положения, в которых люди сходятся тотчас же. Через несколько минут мы говорили, как старые знакомые. Говорили о том, что делается в России, о текущей русской литературе. Он расспрашивал о некоторых вновь появившихся писателях, говорил о своем тяжелом положении в арестантских ротах. Тут же написал он письмо к брату, которое я и доставил по возвращении моем в Петербург (письмо это не сохранилось). (...) При прощании со мной он говорил, что он ожила. Может быть, это и была главная моя услуга. Мое сердечное, теплое к нему участие, чувство уважения к нему, которое высказывалось в моих словах, мои молодые надежды на лучшее будущее, вероятно, его успокоили на время и оказали, может быть, действительную услугу. Мы расстались более чем знакомыми, почти друзьями» (см.: Любимова-Дороватовская В. Достоевский в Сибири.—*Огонек*, 1946, ноябрь, № 46-47, с. 27—28).

¹⁶ С. 354. См. примеч. 4 к с. 235.

¹⁷ С. 355. См. примеч. 28 к с. 274.

¹⁸ С. 355. Имеется в виду письмо от 22 сентября 1859 г., напечатанное Врангелем в его воспоминаниях далее (см. также: *Достоевский*, XXVIII, кн. I, 337).

¹⁹ С. 357. А. И. Исаев был переведен из Семипалатинска в Кузнецк в мае 1855 г. заседателем по корчменной части.

²⁰ С. 357. По-видимому, имеется в виду упоминаемое далее письмо от 31 марта — 14 апреля 1865 г. (*Достоевский*, XXVIII, кн. II, 115 и сл.).

²¹ С. 360. Речь идет о молодом кузнецком учителе Н. Б. Вергунове (род. 1832), дававшем уроки рисования Паше Исаеву. Мария Дмитриевна, в свою очередь, учила Вергунова французскому языку.

⁷³ С. 455. Начать новый журнал под названием «Эпоха» М. М. Достоевскому было дозволено 27 января 1864 г.

⁷⁴ С. 458. Достоевский уехал за границу в августе 1863 г. и возвратился в Петербург в начале ноября 1863 г., после чего отправился во Владимир и Москву к больной М. Д. Достоевской.

⁷⁵ С. 462. У Достоевского: «подгадят» (*Достоевский*, XXVIII, кн. II, 52). Далее в письме к М. М. Достоевскому от 19 ноября 1863 г. (см. с. 466, строка 27) после слов «Но остальные» выпущены часть предложения: «(Может быть, и Милков в том числе)» и вслед за этим несколько неодобрительных строк о Милкове и сообщений бытового характера (*Достоевский*, XXVIII, кн. II, 57). В этом же письме *—у*—у означает: «Александру Павловичу <Иванову>».

⁷⁶ С. 470. 31 марта — 14 апреля 1865 г., уже после смерти брата, Достоевский писал об обстоятельствах прекращения «Эпохи» и своем тяжелом положении А. Е. Врангелю (см. далее с. 477—484; ср.: *Достоевский*, XXVIII, кн. II, 115—121).

⁷⁷ С. 470. Статья «Перелом» предназначалась для первой книжки «Эпохи». Она была напечатана Страховым в его сб. «Борьба с Западом в нашей литературе» (СПб., 1890, кн. II).

⁷⁸ С. 470. Слова Страхова о наступившем в 1863 г. «глубоком переломе общественного настроения» справедливы, но справедливы они прежде всего в том смысле, что именно этот год знаменует резкий поворот и правительства и общества к политической реакции. Страхов этот процесс явно упрощает. Ср. примеч. 65 к с. 446.

⁷⁹ С. 471. Далее в письме Достоевского следуют опущенные Страховым неодобрительные строки о Тургеневе и его «Призраках» и упоминание о Милкове (*Достоевский*, XXVIII, кн. II, 73).

⁸⁰ С. 472. У Достоевского: «Свины» (там же).

⁸¹ С. 472. М. Д. Достоевская умерла не 16, а 15 апреля, М. М. Достоевский — 10 июля, Ап. Григорьев — 25 сентября 1864 г.

⁸² С. 474. Имеются в виду публикации писем Ап. Григорьева в статьях Страхова «Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве» (*Эпоха*, 1864, № 9) и «Новые письма Аполлона Григорьева» (*Эпоха*, 1865, № 2).

⁸³ С. 476. О полемике «Эпохи» с «Современником» см. главу «Журнальная полемика» в кн.: Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-е — 1870-е годы. М., 1984.

⁸⁴ С. 482. Пропущена одна фраза: «И вдруг почти у всех убавилось на половину, а у нас на 75 процентов» (*Достоевский*, XXVIII, кн. II, 119).

⁸⁵ С. 485. Не совсем точно: лето 1866 г. Достоевский провел в дачной местности Люблин под Москвой у своих родственников Ивановых (см. во втором томе наст. изд. воспоминания Н. Фон-Фогта).

⁸⁶ С. 485. По поводу этой «первой размолвки» (на самом деле — второй, в связи с публикацией «Подростка» в «Отечественных